

БИБЛИОТЕКА РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ОБЩЕСТВА

Татьяна Аксёнова

Ретроградная звезда

Татьяна Аксенова
Ретроградная звезда (сборник)
Серия «Библиотека Русского
литературного общества»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43197307

Ретроградная звезда: ИПО «У Никитских ворот»; М.; 2019

ISBN 978-5-00095-808-7

Аннотация

В этом маленьком сборнике, посвященном исключительно любви затронуто множество глубинных проблем мироздания, которые тысячи лет не могут разрешить самые многомудрые философы...

Содержание

Признание	5
Случай	7
«Печаль в объятиях оркестр сжимала...»	9
«Как жадно рябину клюют воробьи...»	11
День Божьей Матери Казанской	13
Любовь	15
Последний снег	17
«Жёлтый глянец уснувшей листвы...»	19
Мокрые аллеи	21
Метаморфоза	23
Может быть	25
Не поворачивает вспять светило	26
Внезапно	27
Рябиновый сок	29
Цыганское	31
«Я носила рубашки любимых мужчин...»	33
Цыганка	34
«Три ночи, проведённые с тобой...»	36
Вечер плёлся за мной...	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Аксёнова

Ретроградная звезда

© Аксёнова Т. В., 2019

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2019

Признание

Вот интересно, кто-нибудь вообще читает предисловия?

Ну, кроме автора, конечно.

Надеюсь, что нет. Потому, что я сейчас начну признаваться в любви брутально и не очень поэтично.

Любовь у нас с Татьяной давняя и, слава Богу, платоническая. Иначе бы я ей не предисловия, а эпитафии писал.

Только окрыленная уникальным поэтическим талантом женщина может позволить себе порхать по жизни бабочкой и жалить, как пчела всех без разбору. Впрочем, говорят, что пчелы кусают пользительно. И ещё у них есть мёд. Божественный мёд поэзии.

За это поэтам прощается всё. И бестолковость поступков, и резкость суждений, и безбашенная неприспособленность к жизни реальной. Особенно, если мёд поэзии приносит окружающим очаровательная поэтесса.

Вот не люблю я бесполох определений. Поэзия Аксёновой настолько женственная, искренняя, что рука не поднимается приписывать ей мужицкое звание «поэт». Таня Аксёнова – барышня, даже не дама досочинявшаяся стихов до юбилейного издания, а вечно влюблённая взбалмошная девчонка. Значит всё-таки «поэтесса».

Хотя, по мастерству владения словом, по глубине и многогранности таланта Татьяна Аксёнова намного превосходит

большинство стихоплётов в штанах.

Даже в этом маленьком сборнике, посвященном исключительно любви затронуто множество глубинных проблем мироздания, которые тысячи лет не могут разрешить самые многомудрые философы...

Впрочем не стоит читать предисловия к хорошей поэзии – лучше читать стихи. Учить наизусть и подбирать мелодии.

Наслаждайтесь!

*Ваш Александр Чистяков, Председатель Русского
литературного общества*

Случай

– Где мои семнадцать лет?

– На Большом каретном...

Владимир Высоцкий

«Можжевельовый куст, можжевельовый куст»!..
Мягких шишек в иголках нет...
Был кармашек мой пуст, а фонарик столь тускл —
Не нащупывал пистолет,

Из которого выстрел не прогремит,
Как в душе моей – чёрный гром.
Ты женат и пока что не знаменит —
Зауряден, как всё кругом...

С хрустом ветер ноябрьский ломает кабан:
Треск ветвей, он из речки – шасьт!
Ты целуешься, словно срываешь банк.
Жаль, что некуда нам упасть...

Полетели бы кубарем под откос,
Вдруг забывши о том, что зверь,
Ледяной и смрадный, (кой чёрт занёс?)
Там отряхивается теперь!

Наверху – прощальный рыдает клин
И роняет нам свой «курлык»,
А внизу – кабан, что приплыл один,
К отступлению не привык.

Стоя, вжавшись друг в друга – о, страшный сон! —
Столбенели мы под кустом
Без ружья, хоть охота открыть сезон,
Без костра и спичек, при том!

... Мне как будто бы снова семнадцать лет —
Жизнь рассеялась, точно дым...
Можжевельник, припрятавший пистолет,
Вздвогнет выстрелом холостым.

«Печаль в объятиях оркестр сжимала...»

Печаль в объятиях оркестр сжимала:
Виолончель рыдала скрипке: «Мало!..»
А скрипки всхлипы стоном заглушало
Гобоя жало,

Зиял рояль проёмами столетий —
Он оживал в дуэтах Доницетти,
Но в белом цвете, как и в чёрном цвете
Его лица – таился оттиск смерти...

Наш разговор под сбивчивость кларнета
Метался между тем и этим светом.
И тенью Фауста на отсветах паркета
Дрожала флейта.

Но Вы не слышали. Вы говорили: «Поздно...»
Последний день дышал тромбоном грозным,
Что от испуга, жалобно и просто
Прощал нам прозу...

Оркестр стихал – печаль владела миром,
Что от непониманья миртой вымер.
Лишь ветка слабая смычка – рапирой

Фехтует с лирой.

Мы встретились. Случайно. Вот – ошибка
В закономерностях фиоритурги гибкой
И гармоничной, как моя улыбка,
Как ночь и скрипка...

«Как жадно рябину клюют воробьи...»

Как жадно рябину клюют воробьи,
Так молча гляжу я на губы твои:
Ах, мне же без них – умереть!

Когда мы вдвоём – о другой говорят
Желанные губы – рябиновый яд:
Не слушать бы мне, не смотреть,

Уйти, отвернуться!.. Но льются стихи
Живую водою – светлы и легки,
Из уст – поцелуем – в уста.

Ещё сигарету твою докурю...
Погибелью, словно, рябина, горю,
Спаси меня, ради Христа!..

Губам суждено моим горько пылать
Стихами и жаждой, и осень – как знать? —
Отдаст им свой вещий огонь.

Я кровь на чернила свою извожу
И вновь на запретные губы гляжу,
Как птицы – зимой – на ладонь.

День Божьей Матери Казанской

День Божьей Матери Казанской
Обыкновенным мне казался
Позднеосенним, серым днём.

Снег жил ещё в утробе неба
И на моей ладони не был,
Заставив тосковать о нём...

А ты руки моей касался
В день Божьей Матери Казанской,
Но о любви мне не сказал.

Пришлось читать стихи в усадьбе,
Где после чьей-то пышной свадьбы
Нам отдали каминный зал...

А я всё думала: «Венчались?
Иль, может, просто так встречались,
Как принято в наш страшный век?..»

Ещё о том мне у рояля
Подумалось, что где-то в зале
Сидит бездушный человек...

Меня отпугивает это
И вновь уйду я, не согрета
Предснеговым, осенним днём

В цветах, овациях, под топот.
Зачем они камин не топят,
Заставив сожалеть о нём?..

Любовь

Любовь – это, наверное, обман?
Прекрасный, вечный сон без продолженья...
Ко мне она спускается сама,
Без приглашенья.
Не вбóремя, некстати, невпопад,
Как седина в воронокрылый волос.
Лавиной с гор, снося, как водопад
Всё, что ещё под ней не расколослось...
Кому-то нежность, жертвенность даря,
Меня ж – на пепелище, на руинах
Оставила... Но ей благодаря
Есть крылья у меня – два сильных сына.
Любовь – это, наверное, туман?
Всевышняя способность к всепрощенью —
Не видеть зла, чтоб не сойти с ума
От ошущенья
Беспомощности... Красотою строк
И чистотою звуков музыкальных
Ко мне любовь приходит, словно Бог —
Исповедально.
Чем поделиться надо ей со мной,
Пока я сплю и грежу сквозь ресницы?
Но этот сон с печалью неземной
Давно мне снится...

Последний снег

Памяти Геннадия Куркова

Последний снег —
Пушистый, словно клевер,
Глубокий, словно сон...

Под ним ты вечно
Устремлён на Север
И – погребён...

Недавно пела я тебе: «Голубчик, не уезжай!»
А ты старался подыграть получше, гитару сжав...

Когда рука моя бросала комья
Тебе вослед,
Я помнила, что были мы знакомы
Сто тысяч лет,

Воссоздавала каждое объятие
И каждый взгляд,
Как ты сказал, что львы и даже львята
На ветках спят,

Как на руке твоей – большой и щедрой —

Спала и я,
Как этот снег, оледенённый ветром,
П о с л е д н я я . . .

Ох, степь кругом, как в п е с н е – смерти жало,
Не вырвать чтоб . . .
Одна тебя я в губы провожала,
Другие – в лоб . . .

Как ты махал в окно мне утром летним,
Так я – зимой . . .
«Не уезжай, голубчик!..» Свет последний,
Любимый мой . . .

«Жёлтый глянец уснувшей листвы...»

Жёлтый глянец уснувшей листвы
На продрогшем, дождливом асфальте
Ярче звёзд, что влажнеют
На небе, чернеющем в шесть...

Всё осталось в минувшем, увы?
Ну, и Вы меня тоже оставьте...
Ничего нет важнее,
Чем знать, что на свете Вы есть.

Если слух мне и память напрячь,
И придумать про счастье былое,
То, окажется, правда —
На свете счастливее нет...

Мы бредём по листве октября,
Взявшись за руки, Дафнис и Хлоя —
Звёзд жемчужных парада
Участники, льющие свет.

Если время возвратно, как жизнь —
Всё у нас ещё только вначале.
И тогда Вы – со мною,

Тогда Ваша память – моя.

Для чего на асфальте зажглись
Наши звёзды? Их листья качали,
Точно лодки длиною
От неба до небытия...

Мокрые аллеи

Когда искала я тебя
На ливнем залитых аллеях,
То радуга вдали алела,
Спектрально белый луч дробя.

Вдруг, разрывая материк
Своею арочной дугою,
Она земную жизнь другою
И мне представила на миг.

Для тех, кто в эту арку вхож
Есть в каждой капле – самоцветы,
Парадоксальны все предметы
И каждый – на другой похож.

Лишь тем, кто в эту арку вхож —
Приоткрывается завеса
Того, что прочим неизвестно.
Я жду под ней, что ты придёшь...

Деревьев кисти с двух сторон
Кропят накопленную влагой —
Я промокаю, как бумага,
Я жду тебя с Конца Времени.

И говорю на языке,
Хоть это знание – сокрыто,
Корнями ветхого санскрита
С Создателем накоротке.

О том, о сём – стихами всё —
Первоначальной формой речи.
Теперь я, вроде, не перечу,
Судьбы вращая колесо.

О том, что радужная жизнь —
Невероятна. Но лелею
Мечту, как мокрую аллею,
Где мы – два дерева – сплелись.

Метаморфоза

Дождь, превращающийся в снег —
Моей любви метаморфоза:
Кристаллизирующийся в слёзы,
Преобразующие смех

В улыбку горькую мою.
Имею ль на неё я право?
Когда кричат нечасто «браво»,
А я – читаю иль пою?

А, может быть, танцую вальс,
Ловя хрусталинки, что тают...
Любовь – есть истина простая,
Преобразующая нас.

Снег, превращающийся в дождь,
Тебя испить мне – не напиток
И, запрокинув клюв, как птице,
Смириться с тем, что ты идёшь

Ко мне, со мной танцуя вальс,
И губы мокрые целуя.
Знать, никогда не утолю я
Той жажды, что сближает нас...

Дождь, превращающийся в снег,
Снег, превращающийся в воду —
Такая странная погода,
Преобразующая всех...

Может быть

Чудесной, небесною песней влетела весна —
Мы будто бы в бухте сиреневых тайн:
О, рыбы, забудьте, что значит – летать,
О, птицы, забудьте, как хочется плыть,
Будите мечту и мечтайте любить!..

И полнятся радостью страсти бока челнока:
Мы бьёмся в снастях, как тунец и форель!
И лётся сирень, и смеётся свирель,
И, трепетно, словно редчайший улов,
Нас высвобождает из сети Любовь,

Чтоб сетью сиреневых, душных ветвей —
Опутав, качать в колыбели своей —
На дне челнока, на прошитых луною волнах,
Ведомой цыганской иглою, внахлёт!
Мы будем лунатики моря, мы – мост

Для рыб, чтоб летать, а для птиц, чтобы плыть.
Мы просто уйдём по воде, может быть...

Не поворачивает вспять светило

Луна не поворачивает вспять —
Рождается и снова убывает.
Как солнце в полумесяц продевают,
Чтоб день за днём плотнее нанизать,

И получается затмение, как тмин,
Добавив в кофе, ощущают терпкость,
Так мы с тобою, встретившись, затмив
Друг другу солнце, шуримся и терпим...

Любовь не прерывает вечный круг —
Рождается и вьётся по спирали.
Пока влюблённые не отстрадали,
Они не разжимают рук. Но вдруг,

Когда их чаша выпита до дна,
Когда последней капли не хватило,
Чтоб жажду утолить... Чья в том вина?
НЕ ПОВОРАЧИВАЕТ ВСПЯТЬ СВЕТИЛО.

Внезапно

Внезапно всё оборвалось
В каком-то поезде, в дороге...
От слёз ночами не спалось,
От глаз, взыскующих и строгих —

Чей Страшный здесь творится суд?
И где же ангелы витали,
Которые всегда спасут,
Которые всегда спасали?..

Сердцебиение колёс
Живые стуки заглушило.
И всё куда-то унеслось.
Жизнь-смерть метель запорошила.

Ты по ночам не спал всегда...
Касанья рук и губ – напрасны!
В окне мелькали города...
Соединяли провода
Нас телефонные нечасто —

Так часто, как хотелось бы...
Но наше трепетное эхо
Звучит, приказывает б ы т ь!

Оно велит тебе доехать...

Но ледяной сковал испуг
В вагоне неостановимом
Остановившееся вдруг..?
Меня промчавшееся мимо...

Рябиновый сок

Мои очертанья подёрнулись пеплом,
Как листья в туман...
Ну, что я успела? Любила и слепла,
Сходила с ума.

Лишь, может быть, спелой рябиновой гроздью —
На радость пичуг
Ещё я успела встревожить морозный,
Нетающий дух?

Костром этих горьких, коралловых ягод —
Нет! – кровью своей —
Согреть ту ладонь, что и надень, и нагод
Сплеталась с моей?..

Согреть, опалить, невзирая на зиму,
Что вечно – зима.
И это страдание невыносимо —
Я знаю сама.

Мои очертанья подобны виденью —
Огонь-то – высок!
О, жизнь – наважденье, пью твой каждый день я
Рябиновый сок...

Цыганское

Душа моя усталая —
 Цыганский старый бубен...
Какою нынче стала я
 И что со мною будет?
Гадать себе, конечно же,
 Повременю до лучшего —
Крошится ночь крошечная
 В ладонь кофейной гущею.
И свечка-богomoлица
 Дрожит перед лампадою,
И чаша воском полнится,
 И я куда-то падаю...
Паденья, воспаренья ли —
 Не всё равно, наверное.
Длина стихотворения
 Не зря же мне отмерена?
Дыханье – чаще, гуще ли,
 То – реже и размеренней...
Пусть всё, что там отпущено
 Повременит до времени.
Сегодня я задумаюсь
 О том, что предпочтительней:
Кто Т А М зажёт звезду мою
 Так ярко и мучительно?..

«Я носила рубашки любимых мужчин...»

Я носила рубашки любимых мужчин,
Я любила их запах.
Но из тех, за кого бы пошла – ни один
Не позвал меня замуж.

Все потом возвращались и звали, но я
Уплывала далёко
Мимо больше не мной обжитого жилья,
Мимо тающих окон...

Что ж, всему – своё время,
Рубашкам – свой срок,
Сосны не без износа...

Всем, кого я согрела:
Вот – Бог, вот – порог
И, наверное, посох...

Цыганка

Нити судьб сматывая клубком,
Раскуривая чёрную тучу,
Поёт как плачет! О ком, о ком?
Сладостно и тягуче...
Страшны всезнаньем пропасти глаз —
Вчерашний вулкан потухший.
Поёт ли, плачет – о нас, о нас,
О наших заблудших душах!
Вчера лишь вечером – пляс, гульба,
Гаданье, вино, гитары.
В глаза глядела сама судьба
Как-будто иконой старой.
Вчера заглядывать – обожгут
Игрою огня живую!
Шальную кровь остановит жгут:
Клубок размотали двое...
И выла скрипка, и конь храпел,
Ложились на юбку плечи...
А нынче – пепел. Никто не пел.
Но только душе – не легче!
Чьё сердце, смотанное в клубок,
Зажато в ладони смуглой?
А смысл сжатия столь глубок,
Сквозь пальцы сочась на угли...

Что вдох её – что глубокий стон.
Пустыня – клубами дыма.
Янтарный Бог, Ты – цыганский сон,
Веками плывущий мимо...

«Три ночи, проведённые с тобой...»

Три ночи, проведённые с тобой
Окупятся разлукою недельной...
«Оп! – говорят, – Ходи, цыганка, пой!»
А я уже – не та, на самом деле.

Нет, я могу ещё пройтись огнём
И вынуть сердце песней у любого.
Но что мне в нём, в любом? Ах, что мне в нём?..
Я приговорена к тебе любовью.

Три ночи как три карты – мой запас
Три времени прожить мгновеньем Ока,
Что грянет, словно старый контрабас,
Биеньем истекающего срока...

Недели мчат как лошади в поту...
Несёт меня кибитка, в хлам разбита.
Да, я – не та, я усыпила ту,
Которая тобою не забыта!

Да, я уже печальна и мудра:
Три карты, знаю, выпадут к разлуке.
И захлебнётся скрипка у шатра.
И поползут доверчивые слухи.

«Ну, – говорят, – цыганка, расскажи!
Пообещай счастливое гаданье...»
Я никогда не опущусь до лжи.
Я промолчу о том, что с нами станет.

Нет, я могу всё изменить за мзду,
Качнув плечей ленивым океаном...
Ты позови! Я за тобой пойду,
Как за цыганом.

Вечер плёлся за мной...

*Под мостом Мирабо
Тихо Сена течёт
И уносит нашу любовь...*

Г. Аполлинер

Вечер плёлся за мной,
Утомлён и обижен
И шаги гулкой аркой двора
Превращались в рефрен
Ржавой крыши Парижа
Над гудящим помостом утра...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.